

ВЛАДИСЛАВ СКИТНЕВСКИЙ

Аве, Рэй!

Памяти Великого Провидца

«Про себя я знаю: я делал хорошую работу каждый день моей жизни, восемьдесят лет. Это чертовски здорово, правда?»

Владислав Оскарович Скитневский, кандидат педагогических наук, доцент библиотековедения, г. Кингисепп, Ленинградская область

ПО ЧЕТВЕРГАМ недалеко от музея всегда собираются люди с большими пакетами в ожидании машины, принимающей макулатуру. В тот день машина запаздывала, к тому же пошёл дождь. Люди занервничали. Некоторые принялись выбрасывать макулатуру в ближайший мусорный блок. Оставшись почти в одиночестве, я тоже понёс старые конспекты лекций, журналы и газеты в общую кучу.

Книжно-тетрадно-альбомный развал напомнил мне Бородинское поле, усеянное телами убитых и раненых. Дождь показался умиротворяющим. Мой взгляд упал на книжку в оранжево-чёрном мягком переплёте. Выбросив пакет с газетами и журналами, я вырвал её у дождя. Рэй Бредбери! Роман «Вино из одуванчиков» (2010 год). Спрятав книжку под плащ, быстро направился в сторону старой крепости, к пруду, где под развесистым дубом люблю посидеть, поразмыслить, наблюдая за плавающими утками. Усевшись, поспешно вынул книжку. Она была совсем новой. Даже мягкий переплёт не был повреждён типичными травмами «зачитывания».

— Так вот где ты спрятался!

Я вздрогнул. Передо мной стоял Гай Монтэг — в форме пожарника, за его плечами — два баллона с керосином. В руках он держал направленный на меня огнемёт.

— Боже мой, Гай Монтэг! Почему ты здесь?

— А почему ты меня не прихватил из той же кучи книг? И я там был.

— Какой ужас! И ты там лежал?

— Не переживай. Сегодня это в порядке вещей. «Человек в наше время, как

бумажная салфетка: в ней сморкаются, комкают, выбрасывают, берут новую, сморкаются, комкают, бросают...», — Гай Монтэг отошёл шага на два к пруду и уставился на плавающих уток.

— Когда ты мы с тобой познакомились? — спросил он меня.

— Где-то в 1960-х. Я был уже взрослым. Тогда твоего папу, Рэя Бредбери, читали ещё не все. Первый раз роман «451 градус по Фаренгейту!» я прочёл в журнале, а потом уже приобрёл книжку и, защищая диссертацию по библиотековедению, ненавидел тебя за твоё карканье.

— А сейчас? Только честно. Помнишь мои слова? «Если не веришь, то шире открой глаза, живи так жадно, как будто через десять секунд умрёшь. Старайся увидеть мир. Он прекраснее любой мечты, созданной на фабрике и оплаченной деньгами. Не проси гарантий, не ищи покоя; такого зверя нет на свете...»

— Ты, Гай, сам сжигал книги и тех, кто их читал. Это же преступление.

— «Есть преступления хуже, чем сжигать книги, — перебил меня Гай Монтэг. — Например, не читать их. И не ждите спасения ни от человека, ни машины, ни от библиотеки. Сами создавайте то, что может спасти мир, — и если утонете по дороге, так хоть будете знать, что плыли к берегу».

Он подошёл к самой кромке водяной глади пруда.

— «Книги пахнут мускатным орехом или ещё какими-то пряностями из далёких заморских стран, — задумчиво проговорил Гай. — Ребёнком я любил нюхать книги. Мне и сейчас кажется, что журналы превратились в разно-

видность ванильного сиропа. Книги — в подслащенные помои. Как-то раз, когда он был ребёнком, погасло электричество, и его мать отыскала и зажгла последнюю свечу. Этот короткий час, пока горела свеча, был часом чудесных открытий: мир изменился, пространство перестало быть огромным и уютно сомкнулось вокруг них. Мать и сын сидели вдовом, странно преображённые, искренне желая, чтобы электричество не включалось как можно дольше».

— Пожарник должен бороться с огнём и спасать людей. А ты ходишь с керосином за спиной и с огнём в руке. Зачем тебе столько огня?

Гай Монтэг удивленно поднял брови.

— «Главная прелесть огня в том, что он уничтожает ответственность и последствия. Если проблема стала чересчур обременительной — в печку её. Запомни, 451 градус по Фаренгейту — температура, при которой воспламеняется и горит бумага».

— Ты, пожалуй, прав. Твой отец-создатель, Рэй Брэдбери, не только великий мастер слова и пера, но и великий предсказатель будущего. Его читают миллионы людей. Да и ты, Гай, вместе с ним заставил многих задуматься о судьбе книги чтения. Но только вот почему ты здесь, в России, с керосином и с огнём? Я, конечно, понимаю, что диалоги в книгах Рэя Брэдбэри — это прекрасный мир со-творчества. Читая Рэя, мы в имеем возможность вырваться из мира отчуждения. Мне очень нравятся в его романах диалоги детей со стариками. Это же настоящий карнавал — создать

имитацию массового сотворчества читателя с писателем и с его героями. Я имею в виду, конечно, творчество «понарошку». К сожалению, сегодня нет времени даже для понимания этого замечательного феномена чтения. Уже два десятилетия в наших образовательных учреждениях идёт массовое списание и уничтожение старых, якобы ненужных библиотечных фондов. Книги отправляются на свалку. Вот это ты тоже принёс со свалки.

Гай взял из моих рук книжку и тяжело вздохнул.

— «У людей больше нет времени даже друг для друга. Кто не создаёт, должен разрушать. Это старо как мир. Это психология малолетних преступников. Мы все должны быть одинаковыми. Не свободными и равными от рождения, как сказано в конституции, а просто мы все должны стать одинаковыми. Пусть люди станут похожи друг на друга как две капли воды: тогда все будут счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие чувствуют своё ничтожество».

Неожиданно мой собеседник расхохотался. Утки, вышедшие из воды, щипали на берегу жёлтые одуванчики. Они громко кричали рядом с нами и даже, как мне показалось, подозрительно поглядывали на нас. Гай подсел ко мне на скамейку и, сняв из-за спины два баллона, один протянул мне.

— Вот оно, вино из одуванчиков. Где твой бокал? Нет с собой стакана? Тогда ... Как это у вас по-русски?

— Пей с горла! — подсказал я.
— Вот-вот! Давай помянем добрым словом Рэя Брэдбэри.

Да, это было вино из одуванчиков. Мы отхлебнули по несколько глотков и ... затяжной августовский дождь сразу же прекратился. Из-за туч вырвались яркие лучи солнца. Гай подошёл ближе к уткам, продолжающим щипать одуванчики и громко кричать.

— Они захмелели! — заметил Гай, глядя на уток. — Давай, друг, ещё по глотку. — Наши баллоны глухо звякнули. Высоко подняв баллон над головой, он торжественно произнёс: «Лето, прощай!»

Красивый селезень, перестав кричать, важно подошёл к нам:

— Вам может показаться, господа, что мы крикаем. На самом деле мы обсуждаем ваш разговор. Мы согласны. Все люди должны стать одинаковыми и похожими друг на друга, как две капли воды.

Вот у нас, например, появился как-то очень «гадкий утёнок». Такой противный. Урод. Ну просто типичный лебедь. Со всеми их выходками. Но что делать? Вырос он в нашей благородной семье. Сколько позора мы пережили от того, что вёл он себя вопреки нашим правилам! Вёл себя безобразно. Вызывающе. Все утки и даже гуси подозревали его

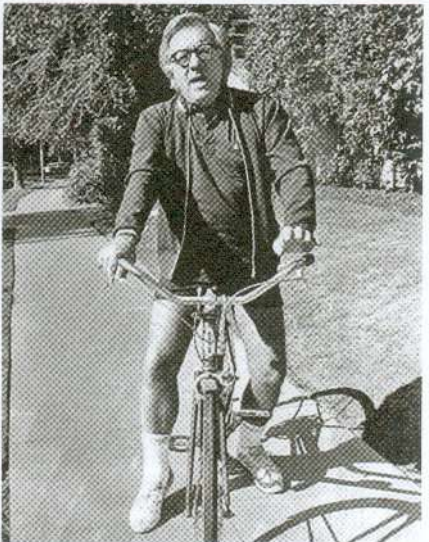
в том, что он чего-то начитался. Как и всякий лебедь, будучи генетически однолюбом, он скрыл от лебедушки свою страсть к чтению и стая лебедей ему этого не простила. Вот здесь он разбил.

Селезень подошёл к старому вязу и что-то стал раскапывать своими перепончатыми лапками, ковырять тупым клювом рыхлую землю....

— Прекрати, — сказал ему Гай Монтэг, и полил на раскопанное место вином из одуванчиков. Тогда селезень подошёл ближе к Гаю и тихо прокрякал:

— Если бы не было таких умных лебедей, мы жили бы лучше и спокойнее. А рядом с таким, как он, чувствуешь себя каким-то ничтожеством. Но мы, утки, этого не потерпим и проведём обновление своего программного обеспечения. Мы сделаем большой апгрейд. Нам бы только поставить «клаву» на наш язык. Тогда мы проведём настоящий «крэк». Кря-кря, господа...

Гай Монтэг широко раскрыл глаза. А вот Рэй бы этому не удивился.

— Должен тебе пояснить, — сказал нам с селезнем Гай Монтэг. — Рэй ведь не предсказывал полного уничтожение чтения. Он имел в виду только смену бумажного поля на экранное поле. «Книги, —

говорил он, — это только одно из вместилищ, где мы храним то, что боимся забыть». Да, Брэдбери предсказал возможность тотального книгосожжения. Но ведь он и предсказал феномен тотального электронного воспитания читателей. Он был уверен в том, что скоро писателей станет больше, чем читателей. Потом останутся только одни писатели.

— Это не совсем так, — не согласился я с Гаем. — Всё зависит от человека, способного отождествлять смысл слов, предложений, текстов с окружающей его объективной действительностью. Понимание читаемой книги — это в первую очередь раскрытие смысла текста, её поэтики. От этого зависит развитие

мышления, мотивация поступков и поведения в целом. Новому человеку должна быть присуща смыслообразующая сила, пусть даже это будет не книга, а экран. Всё равно воспринимающий глаз читателя-пользователя, двигаясь по экрану от одного полюса к противоположному, пройдёт не только через диалоги героев произведения, но одновременно и через **со-творчество**. В таком случае все смыслы происходящего, всё, что кажется «разъединённым и далеким» можно будет свести в единую пространственно-временную и смысловую точку.

И вдруг мне представились наши сегодняшние библиотеки. Они по-прежнему ещё хранят на полках словесные запасы интеллектуальной элиты человечества. Но читатель не идёт к ним. Он просто стал другим. Другой стала и страна, в которой влечение к чтению и познанию стало своего рода недугом, о которого люди вынуждены избавляться, Условия для этого уже давно предоставлены. «Собрать все книги, да и сжечь», чтоб избежать «горя от ума» сохраняется и приумножается. Нет боль-

ше Диалога с великими мыслителями. Но зато есть ещё библиотеки, в которых зарождается новая форма обслуживания читателей, чем-то напоминающая чудовищный по своему размаху красочный Карнавал, возникший откуда-то снизу, экспромтом, непосредственно от библиотекарей и сохранившегося читательского актива. И в этом библиотечном карнавале всегда находят себе место встречи с творческой интеллигенцией, музыка ветра и моря, танцы пчёл и Терпсихоры, пение Орфея и Эдуарда Хилия. И это не от истощения функций библиотеки. Это не дань моде. Это модерн, это слепок поведения нашего общества, состоящего из разных социальных страт. В этом **Диалоге-Карнавале** зарождаются и закрепляются гуманистически формы деятельности библиотек по снятию в читателях социального напряжения, вынужденного их отчуждения от национальной культуры. Эпоха перемен ещё продолжается.

На моей книжке «Вино из одуванчиков» мой собеседник написал: «451 градус по Фаренгейту» — это у нас, а у вас в России: «40 градусов по-русски». Не забывай, что при 41.11 градусе мозг умирает. Гай Монтэг».

Хорошее напутствие ищущему путь новому человеку, субъекту чтения в России.

Прощай, Гай Монтэг!

Аве, Рэй Брэдбери!

С автором можно связаться:
skitnevsky@mail.ru

Размышления о судьбе книги и чтения в России на основе романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

Чтение, литература, Брэдбери
The author reflects about the fate of books and reading in Russia based on the novel by Ray Bradbury's "Fahrenheit 451."

Reading, literature, Bradbury